
И.Е. Ермолова

ГУННЫ И ПИСЬМЕННОСТЬ

В статье рассматривается вопрос о наличии письменности у гуннских племен в IV–VI вв. Данные источников свидетельствуют, что в указанный период искусство письма осталось им неизвестным. Отсутствие письменности у гуннов является одним из аргументов в пользу того, что «держава Аттилы» не была и не стала государством. Для дипломатических целей Аттила использовал римских специалистов, хорошо писавших и по-гречески, и по-латыни, и понимавших «скифский» язык.

Ключевые слова: Аттила, Аэций, Римская империя, гунны, письменность, писец, секретарь, письмоводитель, переговоры

Письменность является неперенным элементом любой цивилизации. Ее появление отражает и знаменует собой определенный этап развития общества. Как писал И. Фридрих, «письменность как частное проявление культуры тесно связана со всем культурным развитием человечества. Поэтому вполне естественно, что наряду с другими высшими достижениями ранней истории человечества она весьма рано начинает играть важную роль» (Фридрих 2001. С. 48).

Гунны, появившиеся на границах Европы в 370 г., не имели письменности, так же как и 60–70 лет спустя (Хизер 2011. С. 468), во время существования грозного союза племен под властью Аттилы.

С конца IV в. главная опасность для римских границ исходила от гуннских племен, прокатившихся по степям Причерноморья и на некоторое время осевших там. Но, несмотря на то, что Восточная Римская империя стремилась проводить активную политику в среде кочевников, никаких следов письменных сношений римского государства с гуннскими племенами не находится. «История» Олимпиодора свидетельствует о том, что в начале V в. к гуннам эпизодически, а, может быть, и регулярно отправляли посольства (Olymp. Fr.18), целью которых были дипломатические контакты. Но все эти контакты, по-видимому, осуществлялись в устной

форме. Точно так же строились отношения римских властей и со всеми вождями гуннов, и с правителями акациров в 30-х гг. V в. (Prisc. Pan. Fr. 8). Вождь Руа, дядя Атиллы и Бледы, неоднократно отправлял к римлянам своих приближенных, но, вероятно, только с устными указаниями, тем более что они часто вели переговоры верхом на лошадях, а в соблюдении выработанных условий мирного договора римляне и гунны клялись «по обычаю своих предков» (Prisc. Pan. Fr. 1).

В том числе и по причине отсутствия письменной культуры гунны, по мнению Сидония Аполлинария, казались варварами даже окружавшим их варварским народам: «*sed Scythicae vaga turba plagae, feritatis abundans, / dira, rapax, vehemens, ipsis quoque gentibus illic / barbara barbaricis...*» (Sidon. Carm. II. 239–241)¹. Сидоний, так же как и Приск Панийский, называет их скифами. Традиция обозначать современные народы древними этнонимами хорошо известна. В ее основе лежат представления греков и римлян о различных племенах Центральной и Восточной Европы как о народах очень похожих, ведущих одинаковый образ жизни, а то и генетически связанных друг с другом. Причиной недифференцированного подхода к различным народам, вероятно, является выделение античными авторами главного, по их мнению, признака – резкого отличия и, может быть, даже противоположности варваров и цивилизации (Strabo IV. 4. 3). Суть этой противоположности – в степени культурного развития. Особенной популярностью пользовались именно скифы, которые были символом варварства (Ле Гофф 1992. С. 14). Кого только так не называли. В. Гоффарт видит в этом не только литературный прием, но и реальное содержание: напряженная ситуация на римских границах не менялась веками, менялись только инициаторы этого напряжения (Goffart 1981. P. 281).

И в VI в. родственные гуннам племена утигуров и кутригуров (Буданова 2011. С. 229–234) оставались бесписьменными, о чем сообщает Прокопий Кесарийский:

Когда узнал об этом Сандил, царь утигуров, он пришел в сильное раздражение и гнев: ведь этих кутригуров, родственников ему по крови, мстя им за обиду, нанесенную ими римлянам, он выгнал из их родных пределов, а теперь они, принятые самим императором, поселились на

¹ «...Но кочевая толпа Скифской страны, выходящая за пределы дикости, ужасная, алчная, беспощадная, даже для самих варварских народов, притом варварская».

землях римлян и будут жить еще лучше, чем прежде. Поэтому он отправил к императору послов с упреками за такой поступок, не вручив им никакого письма, так как и до сих пор гунны совершенно безграмотны, не слышат ничего о науках и не занимаются ими, нет у них даже простых учителей, и дети растут у них, не изучая грамоты (Proc. VIII. 19. 7–8).

Исключением является Атила, самый известный и самый опасный для Рима гунн.

Атила на пике своего могущества установил интенсивные дипломатические отношения и с Западной, и с Восточной Римской империей. Во фрагментах труда Приска Панийского, участника одного из официальных посольств в ставку Атилы, есть сведения о десяти поездках должностных лиц в ставку Атилы в период с 433 по 452 г. (Prisc. Pan. Fr. 1; 2; 4; 5; 7; 8; 13; 18). Восточным римлянам приходилось принимать в Константинополе посланцев Атилы без счета (Ibid. Fr. 6), но и западное правительство не скупилось на переговоры (Ibid. Fr. 8, 15). В отличие от вождя утигуров Атила снабжал своих послов письменными указаниями. Так, требуя, чтобы римляне вернули перебежчиков из его народа, которых у них было множество, Атила «велел секретарям прочесть бумагу², в которой записаны были имена беглых» (Ibid. Fr. 8). Можно только предполагать, чем объясняется это исключение. Скорее всего, оказали влияние различные факторы. Несомненно, Атила обладал выдающимися умственными способностями, но развивался он в обществе, не имевшем письменной культуры. Вероятно, решающими стали внешние связи, которые он приобрел еще в юности. Известно, что Аэций, который, будучи ведущим политическим деятелем Западной Римской империи, активнейшим образом взаимодействовал с гуннами, в молодости был у них заложником (Greg. Tur. Hist. Franc. II. 8). Более конкретных сведений о племени и вожде или вождях, во власти которого или которых Аэций находился несколько лет, не сохранилось, но, может быть, тогда и познакомились Атила и Аэций. Возможно, Атила был в Италии с Аэцием в 433 г. (Anon. Val. 8. 38; Thompson 1948. P. 163). Некоторые историки предполагают, что судьба заложника постигла в юности и Атилу (Акунов 2017. С. 209),

² Так Г.С. Дестунис переводит употребленное в тексте Приска Панийского слово, обозначающее лист папируса для письма: «τὰ ὀνόματα ἐγγεγραμμένα χαρτε».

и тогда он имел возможность убедиться в пользе письменности очень наглядно.

Для того чтобы вести деловую переписку, нужны были грамотные люди, которых среди гуннов найти было нельзя.

Иногда писцами и секретарями у гуннов, вероятно, служили люди случайные, такие как некий Рустиций, родом из Верхней Мезии, «взятый в плен в одном сражении, но по отличному образованию употребляемый Аттилой для писем» (Prisc. Pap. Fr. 8). Но сохранившиеся фрагменты труда Приска Панийского позволяют предположить, что Аэций, будучи дальновидным политиком, старался окружить Аттилу своими людьми, потому что все остальные письмоводители, известные по именам, целенаправленно были присланы гуннам именно Аэцием. Наверное, найти таких людей было не так уж легко, поскольку Аэций должен был им доверять, они должны были обладать определенными умениями и знаниями, в частности, кроме латинского и греческого языков знать еще и «скифский» (Ibid. Fr. 8), тот, на котором говорили Аттила и его окружение (Maenchen-Helfen 1973. P. 373–377).

Вопрос о характере гуннского языка является дискуссионным с середины XVIII в. (Pritsak 1982. P. 429; Кляшторный, Савинов 2005. С. 33–43). На основании исследования ономастики (всех имен родственников и ближайшего окружения Аттилы) О. Прицак пришел к выводу, что этот язык представлял собой нечто среднее между тюркским и монгольским, возможно, ближе к тюркскому, чем к монгольскому (Pritsak 1982. P. 470). Ничего необычного в этих выводах нет. В науке общепризнано, что западные гунны изначально были гетерогенными, состояли из прототюркских и протомонгольских племен (Гумилев 1961. С. 103; Бенциг 1986. С. 12; Ковычев 1982. С. 149; Шервашидзе 1989. С. 129; Dauge 1981. P. 313), к которым добавился угро-финский элемент (Веселовский 1882. С. 98; Иностранцев 1926. С. 110; Серебрянников 1957. С. 38; Артамонов 1962. С. 68; Гумилев 1989. С. 74; Кляшторный 1989. С. 252).

Вряд ли можно согласиться с мнением А. Голдсуорти, что стремление западного римского полководца и политика окружить Аттилу своими людьми «не обязательно свидетельствует о чем-то, кроме желания смягчить могущественного вождя» (Голдсуорти 2014. С. 527). Более верной представляется точка зрения Э.А. Томпсона. Он считает, что, помимо выполнения своих основных обязанностей по составлению писем, адресованных римским императорам, и списков беглых гуннских аристократов (Prisc. Pap.

Fr. 8), секретари Аттилы были нужны Аэцию, чтобы своевременно информировать его о намерениях варваров (Thompson 1948. P. 127, 166).

Первого из делопроизводителей, чьи имена сохранились, Аэций послал к Аттиле, видимо, в 30-х гг. V в., во время его галльских кампаний (Ibid. P. 127). Это был Констанций, происходивший из Западной Галлии (Prisc. Pan. Fr. 8). Те, кого направлял Аэций, были не просто письмоводителями, хотя Приск использует по отношению к ним только один термин: ὑπογραφεύς, а людьми, способными в той или иной степени оказать влияние на политику вождя гуннов и активно участвовавшими в дипломатической деятельности. Так, названный выше секретарь ездил по каким-то делам в Рим, где заложил ростовщику церковные сосуды епископа Сирмия. Эти фиалы оказались у Констанция не случайно, т.к. епископ надеялся с его помощью сохранить свободу при взятии города гуннами (Ibid. Fr. 8). Впоследствии, будучи заподозренным Аттилой и его братом Бледой в предательстве, Констанций был ими казнен (Ibid.).

Другой Констанций, родом из Италии, присланный Аттиле Аэцием, не просто сопровождал посольство в Константинополь в 449 г., но, возможно, вел самостоятельные переговоры с императором, поскольку при условии заключения брака с богатой и знатной римлянкой обещал Феодосию II устроить долговременный мир между римлянами и гуннами (Prisc. Pan. Fr. 8). По-видимому, он имел определенный вес при особе Аттилы, т.к. последний неоднократно настойчиво напоминал Феодосию о его обещании и добился того, что за Констанция выдали замуж римскую аристократку (Prisc. Pan. Fr. 13, 14).

Еще большими возможностями, вероятно, обладал Орест, римлянин из Паннонии. Родственные связи Ореста, женатого на дочери Ромула, одного из послов из Равенны, и имевшего достоинство комита (Prisc. Pan. Fr. 8), равно как и его дальнейшая карьера: достижение звания патриция и должности магистра армии при императоре Юлии Непоте, а затем свержение этого императора и возведение на престол своего сына Ромула (Marc. Com. s.a. 475; Anon. Val. 8. 37–38; Iord. Get. 241; PLRE II. 1980. P. 811), – свидетельствуют о его высоком положении в римском обществе. На службе у Аттилы он вращался в среде «важнейших (τῶν ἐν αὐτοῖς λογάδων) скифов» (Prisc. Pan. Fr. 8) и сам входил в число этих «избранных», неоднократно был в составе посольств (συμπρεσβευτῶν) в Восточную Римскую империю (Ibid.).

Fr. 7; 12) и, может быть, – в Западную (Anon. Val. 8. 38), наряду с природными гуннами наделялся теми же дарами, что и остальные дипломаты (Ibid. Fr. 8). На фоне этих сведений стремление переводчика Вигилы выставить Ореста лишь слугой (ὀπάονά) Аттилы, совершенно неравным по своему положению гуннскому посланнику Эдекону, объясняется его желанием сгладить справедливое недовольство Ореста тем, что в Константинополе его не пригласили на пир вместе с Эдеконом (Ibid. Fr. 8).

Дополнительным подтверждением того, что секретари, присланные Аттиле Аэцием, были людьми более влиятельными, чем случайно оказавшиеся в стане гуннов, служит вскользь брошенное Приском замечание о том, что Рустиций находился при Констанции и обслуживал одного из приближенных Аттилы – Онигисия, при котором были и другие писцы. Рустиций участвовал в совещании Онигисия с другими сановниками и составлял письма, которые нужно было отправить римскому императору (Prisc. Pan. Fr. 8).

В отличие от Аттилы, вождя могущественного союза племен, державшего античный мир в напряжении в течение двух десятков лет, глава утигуров не мог позволить себе такой роскоши, как держать штат секретарей. Скорее даже, он не видел в этом никакой необходимости, ограничиваясь устными посланиями, адресованными римскому императору.

Подводя итоги, следует констатировать, что гуннское общество не испытывало внутренней потребности в письменной фиксации чего бы то ни было ни раньше, ни во времена Аттилы, ни позже. Использование навыков письма в окружении Аттилы объясняется исключительно внешними обстоятельствами: необходимостью поддержания дипломатических отношений с римлянами, а также, вероятно, личным опытом этого вождя и целенаправленными действиями Аэция. Немного странной представляется оценка Ж. Ле Гоффом уровня развития культуры гуннов, которые якобы испытывали восторженные чувства перед образованностью и роскошью. Источники этого не подтверждают. В качестве доказательства Ле Гофф приводит один из фактов истории первой половины V в.: «хотя в изображении двора Аттилы, привлекавшего якобы даже философов, есть нечто от легенды, тем не менее показательно, что именно к гуннам бежит в 448 г. известный врач галльского происхождения Евдоксий, уличенный в сношениях с багаудами» (Ле Гофф 1992. С. 19). О бегстве Евдоксия сообщает Галльская хроника (Chron. Gall. 133), но при чем тут цивилизованность

гуннов? Куда можно было бежать человеку, безразлично – хорошо образованному или не очень хорошо, если он оказался в опасном положении на римской территории, как не к врагам Рима? Никакой информации о культурном состоянии гуннского общества данная хроникальная запись не содержит.

Отсутствие письменности у гуннов является одним из аргументов в пользу того, что «держава Аттилы» не была и не стала государством (Буданова 2011. С. 204–212), как иногда пытаются утверждать отдельные исследователи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Акунов В.* Гунны. М., 2017.
- Артамонов М.И.* История хазар. М., 1962.
- Бенциг И.* Языки гуннов, дунайских и волжских болгар // Зарубежная тюркология. М., 1986. Вып. 1. С. 11–28.
- Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е.* Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. СПб., 2011.
- Веселовский Н.И.* Несколько новых соображений в связи с пересмотром вопроса о гуннах // ЖМНП. 1882, сент. С. 92–102.
- Голдсуорти А.* Падение Запада. Медленная смерть Римской империи. М., 2014.
- Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
- Гумилев Л.Н.* Три исчезнувших народа // Страны и народы Востока. М., 1961. Вып. 2. С. 103–113.
- Гумилев Л.Н.* Хунны в Азии и Европе // ВИ. 1989. № 6. С. 64–78.
- Иностранцев К.И.* Хунны и гунны (разбор теорий о происхождении народа хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов). Л., 1926.
- Кляшторный С.Г.* Гуннская держава на Востоке (III в. до н.э. – IV в. н.э.) // История древнего мира. М., 1989. Т. 3. С. 243–254.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
- Ковычев Е.В.* К вопросу о древних связях племен Восточного Забайкалья с тюркоязычными соседями в I тыс. н.э. // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 148–156.
- Серебренников Б.А.* Происхождение чуваш по данным языка // О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957.
- Фридрих И.* История письма. М., 2001.
- Хизер П.* Падение Римской империи. М., 2011.
- Шервашидзе И.Н.* Attila – Авитохоль // Лингвистическая реконструкция в истории Востока. Тезисы конф. М., 1989. Ч. 3. С. 127–129.

- Anonymus Valesianus, pars prior // MGH. AA. B., 1892. T. 9: Chronica minora. Saec. IV–VII, vol. 1.
- Chronica Gallica a 452 et 511 // MGH AA. B., 1892. T. 9: Chronica minora. Saec. IV–VII, vol. 1.
- Goffart W.* Rome, Constantinople, and the Barbarians // The American Historical Review. 1981. Vol. 86, no. 2. P. 275–306.
- Gregorius Turonensis.* Historia Francorum // MGH SM. Hannover, 1884–1885. Vol. 1, pars 1.
- Dauge Jv.A.* Le Barbare: Recherches sur la conception romaine de la barbarie et de la civilisation. Bruxelles, 1981.
- Iordanes.* De origine actibusque Getarum // *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов (Getica) / вступ. ст., пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. 2-е изд. СПб., 1997.
- Maenchen-Helfen O.J.* The World of the Huns. Studies in their History and Culture. Berkeley; Los Angeles; L., 1973.
- Marcellinus Comes.* Chronicon // MGH AA. B., 1894. T. 11: Chronica minora. Saec. IV–VII, vol. 2.
- Olympiodori Fragmenta // Historici Graeci minores / Ed. L. Dindorfius. Lipsiae, 1870. Vol. 1.
- Priscus Panitus.* Fragmenta // Historici Graeci minores / Ed. L. Dindorfius. Lipsiae, 1870. Vol. 1 (перевод по изд.: Сказания Приска Панийского / пер. Г.С. Дестуниса // Ученые записки II отд. Имп. АН. Кн. VII, вып. 1. СПб, 1861).
- Pritsak O.* The Hunnic Language of the Attila Clan // Harvard Ukrainian Studies. 1982. Vol. 6, no. 4. P. 428–476.
- Procopii Caesariensis De bellis libri I–VIII // Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J. Havry, G. Wirth. Lipsiae, 1962–1963. Vol. 1–3 (перевод по изд.: *Прокопий Кесарийский.* Война с готами. О постройках / пер. С.П. Кондратьева. М., 1996).
- The Prosopography of the Later Roman Empire / By Y.R. Martindale. Cambridge, 1980. Vol. 2: A.D. 395–527.
- Gai Sollii Apollinaris Sidonii Carmen II // MGH AA. B., 1887. T. 8.
- Strabo.* The Geography / With an Engl. transl. by H.L. Jones. In 8 vol. Cambridge; L., 1969.
- Thompson E.A.* A History of Attila and the Huns. Oxford, 1948.

Irina E. Ermolova

THE HUNNS AND THE WRITING

The author discusses the possibility of the usage of writing by the Hunns in the 4th and the 5th centuries A.D. No one source, neither explicitly, nor implicitly,

says that the Hunns were literate. No traces of any Hunnic writing are found in Europe. Probably the Hunnic society felt no need of writing down anything, neither in Attila's time, nor later. The absence of writing speaks in favor of the opinion that 'Attila's empire' was not yet a state.

The usage of writing at Attila's court is indeed attested, but must be explained by external circumstances only: the need of maintaining diplomatic relations with the Romans, as well as, probably, the personal experience of Attila and the efforts of Aëtius.

Most of secretaries at Attila's court were persons helpfully recommended by Aëtius. Being well educated and, sometimes, high-rank (in the Roman Empire), those people not only maintained the diplomatic correspondence of Attila, but also were influential at his court. One can suppose that Aëtius gave to those his trustees some other tasks, sometimes life-threatening, and some of them really lost their lives when fulfilling those tasks.

Keywords: Attila, Aëtius, the Roman Empire, the Hunns, writing, writer, secretary, negotiations